

Этим утром небо было ясным и чистым. Солнце поднялось еще до того, как успел развеяться утренний туман.

Секта меча Цинлу заранее расчистила огромную площадку, оставив лишь несколько высоких вязов, покрытых густой листвой.

Хотя говорили, что это место находится у подножия горы Чунмин, но до самой горы было не так уж близко. Отсюда можно было разглядеть лишь слабый намек на туман и облака, окутывающие силуэты величественных горных пиков.

Те люди, которые должны были сегодня участвовать в состязании, пришли сюда заранее. Ученикам сект были отведены места за деревянным ограждением на расстоянии в несколько десятков футов от арен. Впереди сели старейшины, возглавляющие каждую группу, позади них стояли ученики.

Если смотреть издалека, с первого же взгляда по одежде и расположению было видно, из какой именно секты люди, собравшиеся вокруг огромных прямоугольных каменных платформ.

Еще дальше от арен расположились жители города Е, которые появились здесь намного раньше, чем ученики сект. Еще до рассвета они вместе с чаем и закусками прибыли к заранее построенным соломенным хижинам. Устроившись в подходящем месте на склоне холма, они с энтузиазмом принялись дожидаться, когда начнутся поединки.

Тем не менее, это было не самое оживленное время фестиваля. Многие люди не собирались смотреть все до единой схватки во время первого тура.

В эти первые несколько дней секта меча Цинлу, как принимающая сторона, отправила следить за порядком лишь одного старейшину на средней стадии ступени Обретения бессмертия. Он занимал место на восточной наблюдательной площадке.

Бой Дуань Чунсюаня был запланирован на сегодня не первым. Поэтому Инь Биюэ и двое его товарищей стояли позади старейшины пика Сипин вместе с остальными учениками секты Цанъя. Они наблюдали за людьми, которые мгновение назад запрыгнули на четыре арены для поединков.

Первые два боя оказались довольно непримечательными. Участники поединка были учениками из мелких, незначительных сект и едва смогли показать себя. Жители города Е радостно кричали, удивляясь виду дыма и огня, но многие старейшины и ученики со временем потеряли интерес. Бой между учениками секты Ляньцзянь и секты меча Цинлу был единственным, который привлек внимание. Но он закончился слишком быстро из-за огромной разницы в силе.

Тем не менее, Инь Биюэ наблюдал за поединками очень внимательно, особенно за тем, в котором участвовал ученик секты меча Цинлу. Он подмечал, как тот держит свой меч, как движется, как наносит удары, как разрушил "Защиту гор и рек" ученика секты Ляньцзянь. Каждый его шаг и движение запястья были тщательно изучены Инь Биюэ. В результате, он сделал вывод, что точно такие же приемы меча можно использовать против Чжун Шаня, который был на поздней стадии ступени Откровения.

И тогда в рядах секты Баопу все пришло в движение. Толпа разделилась надвое, и вперед вышел ученик. Он встал перед старейшиной секты и поклонился, не забыв кивнуть и Хэ Лаю, который стоял позади старейшины. Старейшина секты широко улыбнулся, отчего на его лице появились морщины, и терпеливо произнес несколько слов, давая советы.

Члены секты Баопу прибыли в город Е двумя группами. Одну из них возглавлял Хэ Лай, а вторую старейшина, который прибыл со своими людьми на единственном в секте небесном корабле.

Вторая группа отличалась от первой не более высоким уровнем культивации, а тем, что в нее входили либо родственники старейшин секты Баопу, либо ученики из благородных семей. Например, Ли Линь был единственным сыном старейшины секты.

Представитель секты меча Цинлу объявил:

— Третья арена: Дуань Чунсюань из секты Цанъя против Ли Линя из секты Баопу...

Его голос, подкрепленный истинной сущностью, разлетелся далеко во все стороны. Зрители немедленно оживились.

Заскучавшие было ученики сразу же встрепенулись.

В этот момент кто-то воскликнул:

— Дуань Чунсюань? С пика Сихуа? Ученик Святого меча?

В ответ другой ученик принялся ему объяснять:

— Говорят, что этого человека приняли на пик Сихуа по рекомендательному письму главы академии Ланьюань. Святой меча и глава академии — добрые друзья, поэтому ему не стали отказывать... но Дуань Чунсюань лишь номинально считается его учеником.

Тот, кто первым задал вопрос, еще не успел выразить разочарование, как другой человек добавил:

— Завтра вы сможете увидеть выступление настоящего ученика Святого меча... Взгляните туда, где расположилась секта Цанъя. Тот юноша с белыми волосами — Инь Биюэ. Он второй ученик Святого меча, который использует меч!

Второго участника поединка тоже активно обсуждали. По всей видимости, кто-то уже слышал его имя раньше.

— Ли Линь? Разве его отец не Ли Чанхун из секты Баопу?

— Честно говоря, я больше всего побаиваюсь таких людей. У них так много артефактов, которыми они могут себя защитить. Кто знает, что они прячут в своем рукаве? Даже если твой уровень культивации выше, все равно с такими трудно справиться!

Нашлись и еще более знающие люди.

— Разве его мать не из высокородной семьи?

На этот раз кто-то усмехнулся.

— Кажется, когда ему исполнилось восемь лет, его прозвали "Маленький деспот горы Хэндуань".

Без всяких сомнений, эта схватка была главным событием дня.

Ли Линь запрыгнул на платформу арены и осмотрелся вокруг. Наконец, его взгляд остановился на том месте, где располагалась секта Цанъя. Уголки его губ приподнялись в улыбке, которая выглядела очень неприятно. Она была не только высокомерной, но и презрительной.

Конечно же, он больше не был "Маленьким деспотом горы Хэндуань". Восемь футов роста, мускулистое телосложение, загорелая кожа. У него были правильные черты лица, но из-за того, что он много лет строил надменные гримасы, его рот скривился, а глаза стали похожи на щелочки.

Тем не менее, у него была высокая и крепкая фигура, а на спине висел огромный меч. Когда он появился на арене, его высокомерный взгляд выглядел довольно угрожающим.

В это время Дуань Чунсюань отряхнул пыль с подола своей одежды и тоже поднялся на арену.

Сегодня на нем была обычная одежда секты Цанъя. Но в отличие от той, что носили другие ученики, его одежда была из гладкой шелковистой ткани, над которой работали лучшие мастера. Рукава были расшиты парящими облаками. Когда он двигался, казалось, от него исходит свечение. На голове красовалась нефритовая диадема, а талию охватывал серебряный пояс. С его широкими плечами и тонкой талией он казался высоким и стройным.

Когда он стоял рядом с Инь Биюэ и Ло Минчуанем, его привлекательная внешность не слишком бросалась в глаза.

Но когда он встал напротив Ли Линя, между ними возник яркий контраст — как между небом и грязью.

Первыми начали сходить с ума девушки-культураторы из секты Ляньцзянь. Эти дерзкие и своевольные барышни вскочили со своих мест и принялись визжать. Только когда старейшина их секты повернулся и бросил на них строгий взгляд, они опомнились и поняли, что вели себя бесстыдно. Однако это не помешало им перешептываться с разгумянными лицами.

— Где он живет?

— Сколько человек у него в семье?

— Есть ли у него невеста?

"....."

Инь Биюэ потерял дар речи.

Неужели он ошибся? Может, в действительности главным героем является Дуань Трещотка? Это похоже на результат действия ореола главного героя...

А может, просто в секте Ляньцзянь все помешаны на внешности?

На арене двое соперников поприветствовали друг друга. Ли Линь сделал это немного небрежно, зато церемонное приветствие Дуань Чунсюаня было безупречным.

После этого он выпрямился, одним пальцем сложил свой веер и произнес:

— Что ж, даосский друг, покажи мне свое искусство¹.

Он вел себя точно так же, как на хребте Панлун, когда уступил дорогу секте Баопу.

Его великодушные манеры снова вызвали всплеск эмоций у девушек-культураторов из секты Ляньцзянь. Однако это не понравилось строгим старейшинам. Культивация обоих соперников была примерно на одном уровне, поэтому было неблагоприятно уступать инициативу. Это посчитали не самоуверенностью, а заносчивостью.

Ученики секты Баопу с неудовольствием зашипели.

Ли Линь промолчал. Он был не настолько глуп, чтобы отказываться от подвернувшегося шанса. Напротив, жест Дуань Чунсюаня ему показался до ужаса смехотворным.

Поэтому он выхватил свой меч и рубанул им.

Платформу озарила вспышка золотого света.

Это был тяжелый меч, весом в тысячу фунтов. На его лезвии были выгравированы сложные символы и заклинания. Наполнявшая его истинная сущность, которая придавала клинку ослепительный блеск, увеличивала силу атаки на тридцать процентов.

Его техника была простой и незамысловатой, без всяких вычурных трюков — просто безграничный могучий поток истинной сущности.

Кто-то из зрителей, кто разбирался в предметах, удивленно вскрикнул:

— Да уж, вот это отличная штука!

Чтобы изготовить подобный меч, над ним должны трудиться в течение пяти лет два оружейника не ниже ступени Просветления и мастер-артефактор. Только это свидетельствовало о том, как Ли Чанхун любит своего единственного сына и сколько надежд на него возлагает.

Девушки-культураторы из секты Ляньцзянь затаили дыхание. Казалось, что юноша на арене, на которого направлен меч, их близкий родственник или старый друг.

Внезапно Инь Биюэ немного забеспокоился.

Если подумать, он никогда раньше не видел, чтобы Дуань Трещотка культивировал. На его месте он не принял бы этот удар в лоб. Вместо этого лучше было бы воспользоваться третьим приемом техники Холодной воды и превратить защиту в нападение.

Нет, не верно. Он вообще бы не позволил Ли Линю напасть первым!

Если тебе угрожает столь опасный удар, лучший способ противостоять ему — это опередить противника.

Об этом задумался не только Инь Биюэ, но и многие другие. Если бы я оказался на его месте, как бы противостоял такой атаке?

Но никто не ожидал, что перед Дуань Чунсюанем откуда ни возьмись возникнет пылающая стена огня!

— Он духовный культиватор?! Что это за техника? Как у него так быстро получилось?!

— Нет... Он не делал никаких жестов, чтобы применить заклинание, да и истинную сущность не использовал!

Самый внимательный воскликнул:

— Это вовсе не техника, а воспламеняющий талисман!

— Воспламеняющий талисман?! Это действительно воспламеняющий талисман?!

Инь Биюэ слегка успокоился.

Он знал, что у Дуань Чунсюаня есть воспламеняющие талисманы. Во время их путешествия Дуань Трещотка воспользовался одним из них, чтобы очистить пещеру. Это оказалось очень удобно, поскольку после него не осталось ни пыли, ни пепла.

Он тогда сильно поразился, хотя пламя было не слишком большим.

В эпоху Святых культиваторы использовали талисманы наравне с обычной культивацией. В те времена сила одного талисмана была способна рассекать горы и дробить камни.

Но спустя миллионы лет, в эпоху "Конца духовного изобилия", способ создания талисманов был утрачен. В эти дни остались лишь мастера, умеющие гравировать символы талисманов на оружии. Но это было не сравнить с искусством уплотнения огромной силы в тонком бумажном листе талисмана.

Время от времени в древних руинах находили талисман и продавали на черном рынке. Если талисман все еще сохранял свою силу, его стоимость взлетала до небес.

Поэтому, даже увидев его своими глазами, многие люди не могли поверить, что это действительно был воспламеняющий талисман.

Ли Линь достал из своего "Рукава земли и небес²" черный щит и отразил пламя. При этом на щите сразу же появилась трещина. Ни минуты не колеблясь, он снова замахнулся мечом! Из него вырвался золотой свет, из которого сформировалась боевая печать и полетела прямо в Дуань Чунсюаня.

Кто-то из толпы выкрикнул:

— Знаменитая печать Баопу!

Старейшина секты Баопу слегка улыбнулся.

Он узнал воспламеняющий талисман. Но что толку? Использовать такой драгоценный талисман в первом туре было бессмысленно и глупо. В любом случае, волноваться не о чем. Он же не сможет вытащить второй или третий.

Но тут улыбка застыла на его лице.

Потому что между пальцами Дуань Чунсюаня появился чуть желтоватый лист талисмана, трепещущий от летнего ветерка.

И снова поднялась стена огня! Взвилась до небес!

Мощь удара Ли Линя мгновенно поглотило бушующее пламя.

В этот раз движение Дуань Чунсюаня замедлилось, поэтому все успели его хорошо разглядеть. Зрители исступленно зашумели.

— Это действительно воспламеняющий талисман! У него два воспламеняющих талисмана!

— О небеса! Эти штуки должны быть дорогими!

— Три тысячи золотых, восемьсот духовных камней, шестьдесят три килограмма жемчужин из Восточного моря, большое поместье с шикарным фэншуем...

Ли Линь недоверчиво распахнул глаза. У него тоже был талисман, который на всякий случай вручил ему отец. Но кто мог ожидать, что, едва вступив на арену, этот человек использует целых два.

Бушующее пламя уже опаляло ему ресницы!

Не колеблясь ни минуты, он швырнул перед собой огромный колокол!

— Колокол Сумеречного ворона... эх, хорошая вещь...

Вот только воспламеняющий талисман сработал первым, поэтому редкий защитный артефакт не слишком помог.

От боли Ли Линь разозлился еще больше! Богатая семья и множество артефактов были его самым большим преимуществом.

Но он не верил, что у Дуань Чунсюаня остались еще талисманы! В тот момент, когда они у него закончатся, он сразу же нашинкует его своим мечом!

Золотой свет меча отразился в его кроваво-красных глазах. Он уже начал терять уверенность в себе.

В результате, предыдущая сцена повторилась снова.

Каждый раз, когда Ли Линь замахивался мечом, Дуань Чунсюань непринужденно выбрасывал талисман, рассеивая его атаку и приводя в негодность один из артефактов своего противника.

К этому моменту зрители от удивления потеряли дар речи.

Ученики секты Цанъя и девушки-культураторы секты Ляньцзянь забыли о шутках и болтовне. Даже секта Баопу забыла о проклятиях и ругани.

Жители города Е издали наслаждались видом бушующего пламени. Их радостные крики звучали громче прежнего.

Старейшина секты меча Цинлу, который находился на ступени Обретения бессмертия, начал сосредоточенно считать, загибая пальцы. Его лицо внезапно побледнело как полотно!

Бои на других аренах закончились неизвестно когда, об их результатах даже не объявили.

Все присутствующие, оцепенев от изумления, смотрели на бесконечное количество воспламеняющих талисманов!

Яростное пламя вспыхивало снова и снова!

Ли Линь, стоя перед стеной огня, злился все больше и больше!

Пламя метнулось вперед, и Ли Линь быстро отступил назад со своим мечом!

Но он опоздал. Бушующие языки пламени коснулись кончика меча и завертелись вокруг клинка!

Его атаки быстро поглощали истинную сущность, а артефакты портились от воздействия воспламеняющего талисмана.

Но он уже утратил способность рационально мыслить!

Лишь когда перед ним появилась стена воды, он осознал, что только что использовал водный талисман.

Это был последний козырь, который дал ему отец.

Он поднял глаза и увидел обмахивающегося своим веером Дуань Чунсюаня. Тот слегка улыбался.

Ему словно ведро холодной воды на голову вылили. Он сразу же осознал, что все его меридианы горят, как в огне. Боль была ужасной. Из-за беспрестанных атак он истощил свою внутреннюю сущность. Если он не остановится, то необратимо навредит себе.

Снова взмыла вверх стена огня и так обожгла Ли Линя, что он упал с платформы.

Ученики секты Баопу чуть не сошли с ума от злости. Они кричали и скандировали:

— Арена для сражений! Полагаться только на талисманы! Просто стыд! Какой позор!

Если бы они сами пользовались артефактами против соперников, то, наоборот, хвастались бы богатым наследием своей секты. Но сейчас этот подход был использован против них, поэтому им тяжело было с этим смириться.

Дуань Чунсюань слегка улыбнулся.

Высокий вяз рядом с платформой тихо зашуршал от дуновения ветерка. На его теле зарябили рассеянные тени от листвы.

Казалось, здесь не было никакого сражения — ни золотого света, ни бушующего пламени. Только элегантный и очаровательный юноша, улыбка которого подобно прохладному ветерку и ясному лунному свету проникала в самое сердце.

Он улыбнулся и спросил:

— Разве этот человек стоит моих усилий?

Ученики секты Цанья еще не успели его поздравить, а секта Ляньцзянь уже взорвалась ликующими возгласами!

— Старший брат-ученик Дуань! Старший брат-ученик Дуань!

— Старший брат-ученик Дуань, посмотри сюда!

— Старший брат-ученик Дуань уже помолвлен?!

В этот раз даже строгий взгляд старейшины секты Ляньцзянь не смог утихомирить это безумие.

□□□

Спустя много лет Дуань Чунсюань стал очень важным человеком.

Этот забавный эпизод тоже попал в исторические книги. Он описывался четырьмя словами: "мыслил широко и нестандартно".

Но в настоящее время еще не придумали такую двусмысленную и образную лесть. Люди у подножия горы Чунмин, а также в городе Е обычно при упоминании этой битвы говорили что-то вроде "непостижимо", "не может быть", или... "какое богатство".

Дуань Чунсюань... создал новый способ вести бой на фестивале "Срывания цветка".

-
1. Церемонная фраза, намекающая на то, чтобы противник нападал первым.
 2. Судя по всему, это разновидность пространственного хранилища.

<http://bllate.org/book/12466/1109372>